

Эликсир для вампира

Автор:

Галина Полынская

Эликсир для вампира

Галина Полынская

Тайные стражи

Урожденный испанский дворянин Феликс многое успел повидать за свою очень долгую вампирскую жизнь. Но лишь одна несбыточная мечта оставалась для него недоступной: увидеть солнце и не умереть, не сгореть в его лучах. Увидеть и остаться в живых. Представители загадочной фирмы предложили необычный эликсир, способный видоизменить вампирскую сущность Феликса. Цена вопроса – собрать и объединить под своим началом людей со сверхспособностями и с их помощью сделать мир лучше. Так появилось детективное агентство «Тайные стражи».

Галина Полынская

Эликсир для вампира

© Полынская Г., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

– Что с тобой происходит, Феликс? – мягко, тягуче прозвучал голос Дааны, словно в тишину комнаты пролился мед.

Девушка лет двадцати пяти, в длинном платье цвета сапфира сидела в кресле, покачивая в пальцах бокал белого вина. Ее глаза диковинного разреза, в этот час не спрятанные под дымчатыми очками, не прикрытые серыми линзами, сверкали, переливаясь зеленью и золотом во всей своей пугающей красоте.

– Что со мной может происходить? Со мной все уже давно произошло.

Скрестив руки на груди, Феликс стоял у окна и смотрел на улицу с высоты седьмого этажа. Прохладную синеву летнего вечера подсвечивали мелькающие автомобильные огни, подогревали оранжевые апельсины фонарей в скверике, раскрашивала щедрая иллюминация ресторана «Империал». Отблески всей этой разноцветной россыпи вспыхивали, гасли, снова вспыхивали на чеканно четком профиле мужчины, на жестких черных волосах, скрепленных на затылке в хвост золотым зажимом.

– Ты будто окаменел в последнее время.

Так и не притронувшись к вину, Даана привстала, чтобы поставить бокал. На столе ничего не было, кроме бутылки и пятиглавого подсвечника с горящими свечами. И она, и Феликс одинаково не любили электричества. В полумраке растворялись стены и мебель, словно у этого пространства вовсе не было границ, лишь изредка глубокий сумеречный покой нарушали скользкие световые вспышки, похожие на отсвет фар проезжающих машин.

– А разве я когда-то отличался живостью характера и веселым нравом? – голос мужчины звучал равнодушно, монотонно как осенний дождь.

– Не хочешь – не говори.

Даана встала и прошла по комнате. Сапфировый подол заструился спокойным потоком потемневшей вечерней воды, босые ноги ступали так бесшумно и легко, словно девушка вовсе не касалась пола.

– Окаменел... – на бледных губах Феликса возникло подобие улыбки. – Куда еще-то каменеть в моей ситуации.

– Значит, есть куда.

Даана подошла к смутно виднеющемуся в сумраке книжному стеллажу и погладила изящными длинными пальцами старинные корешки с тусклыми надписями. Они всегда прекрасно успокаивали, эти все понимающие книжные спинки. В доме Дааны, с постоянно меняющимся количеством комнат и направлениями коридоров, имелось не так уж много вещей и предметов, но и они часто менялись. Феликс никогда не интересовался, к чему изменяется пространство, куда уходят старые и откуда берутся новые вещи.

Мужчина наблюдал за отражением девушки в оконном стекле: горделивая осанка, точеный профиль, шея чуть длиннее, чем бывает у людей, – Даана казалась ожившей древнеегипетской фреской. Его собственное отражение не мешало рассматривать картину – Феликс не отражался.

– Знаешь, еще немного, и я подумаю, что ты переживаешь, – произнес он.

– Что тут удивительного? Если я до сих пор рядом с тобой, видимо, ты мне не безразличен, верно?

Даана отошла от стеллажа и снова прошла по комнате. Платье колыхнулось темной водой и будто пролилось куда-то под пол. Обернувшись, Феликс посмотрел на нее долгим темным взглядом, будто впервые рассматривал это легкое, безупречно скроенное создание с лицом прекрасно выверенной лепки. Чистый лоб, тонкий нос, мягко очерченные губы, изящный подбородок, высокие скулы и шелк золотисто-смуглой кожи необычного оттенка, словно девушка загорала под каким-то неведомым солнцем. И рыжие кудри, блестящими медными стружками струящиеся ниже лопаток.

Глядя на нее, Феликс думал о чересчур большой разнице между домашней Дааной и Дааной, притворяющейся человеком. Среди людей, скрывая чересчур яркие волосы под шарфами, а странный цвет глаз под невзрачными серыми линзами и черными очками в пол-лица, она была понятной и предсказуемой. Когда же не было надобности скрываться от излишне любопытных глаз, девушка все время становилась разной, будто незримо перемещалась,

перетекала из одного состояния в другое.

Она ждала.

– Я разговариваю с крысами, – медленно проговорил Феликс. – Просиживаю ночи в сквере у твоего дома и беседую с крысами. И есть у меня один особенно задушевный собеседник. Здоровенная такая коричневая толстая крысища. Мы так давно сблизились, что я и не помню, когда и как это произошло...

– Погоди. Его, случаем, не Дон Вито зовут?

– Именно. – Феликс приподнял одну бровь. – Вы знакомы?

– Еще как, – усмехнулась Даана. – И тоже много лет, и так же не помню, откуда он взялся. Только Дон Вито утверждал, что я его единственная... м-м-м-м... человеческая компания, и он очень дорожит нашим общением.

– Мне он говорил ровно то же самое. Еще у меня в компании есть ворона, вернее – ворон, зовется Паблито. Он тоже ест с двух столов, или его ты не знаешь?

– Нет, не знаю, – девушка качнула головой, отчего по рыжим спиральям волос промелькнули золотистые искры. – Расскажи о нем.

– Особо нечего рассказывать. Крупная черная птица, довольно сварливая, назойливая, порой абсолютно невыносимая. Паблито прилетает каждую ночь около одиннадцати, стучит в окно и напоминает, что пора на станцию за кровью. Я одеваюсь, и мы идем. Вместе, за компанию. Вот такая у меня компания, понимаешь ли.

Феликс замолчал. Молчала и Даана. Зрачки золотисто-зеленых глаз сужались и расширялись с бесстрастностью метронома. Лишь на ярком свете можно было заметить, что они не черные, а темно-фиолетовые.

Отвернувшись, Феликс снова уставился в окно, словно там появилось нечто новое и, безусловно, интересное. Темно-серый костюм, как всегда, идеально сидел на мужчине, настолько безукоризненно, словно это была скульптура, манекен, но никак не живой человек.

- Не умею жаловаться, Даана, прости, - глухо проговорил он.

- Может, сядешь наконец? А то все время кажется, что ты сейчас уйдешь, не успев толком прийти.

- Хорошо.

Феликс отошел от окна и присел в кресло за стол. Оплывающий воск свечей капал на голую деревянную крышку, выстраивая затейливые пирамидки. Даана подошла ближе, встала за спиной мужчины, разглядывая иссиня-черные с редкими серебристыми нитками волосы. Хотела коснуться этих жестких на вид прядей, но не решилась. Обойдя стол, девушка села в кресло напротив и взяла бокал.

- Это скука, Феликс, да?

- Можно и так назвать.

- А как на самом деле? Что ты чувствуешь?

- Что я чувствую? - На бледных губах возникла тонкая, как лезвие, улыбка. - Что я могу чувствовать?..

В теплом свете свечей благородные, портретные черты лица Феликса казались почти живыми, без сырой мраморной белизны, уродующей, превращающей лицо в посмертную маску.

- Если ты смог откровенничать с воронами и крысами, почему бы тебе хоть раз не поговорить со мной? Я же не умею читать мысли, откуда мне знать, как сильно ты страдаешь!

Феликс поднял на нее тяжелый взгляд непроницаемо черных глаз. Неподвижная мертвая чернота статуи из обсидиана.

- Дон Вито тебе все разболтал?

– Он не говорил конкретно о тебе. – Даана поставила бокал обратно на стол. – Разговор шел чисто гипотетический. И не разболтал, а просто советовался. Он почему-то считает меня ведьмой, а у меня нет надобности что-то объяснять крысе. Теперь понятно, что Вито за тебя переживал.

– Очень рад, что за меня переживает крыса. – Феликс подставил указательный палец под капающий воск.

Даана резко встала и пошла к окну. Открыв его, девушка глубоко вдохнула запах подступающей ночи, деревьев, травы, земли – их все же не мог заглушить даже вечно шумный, закованный в бетон и асфальт мегаполис.

– Мы почти две сотни лет знакомы, – произнесла она. – Сколько еще требуется времени?

Сняв остывший воск с руки, Феликс поднялся и направился к выходу из комнаты.

– Пора мне, Даана. Сегодня кровь еще забрать надо...

– Стой! – Выкрик прозвучал настолько странной звуковой гаммой, что Феликс замер в дверном проеме. – Кем ты меня видишь? Кем?!

Феликс обернулся. Смуглокожее существо с пылающими гневом золотыми глазами парило над полом, проливаясь вниз сапфировой синевой.

– Что ты хочешь, Даана? Чтобы я попросил о помощи? Но тут невозможно помочь. Никто, никак и никогда не сможет этого сделать. Чтобы я откровенничал и жаловался? Так жаловаться не умею, а откровенничать у меня правда лучше всего получается с крысами. Ты другая, Даана. Ты не можешь знать, что чувствую я, а мне никогда не понять, что чувствуешь ты. Мы с тобой из разных вселенных, как бы ни пошло это звучало. Мне пора, отпусти меня.

Мужчина отвернулся, собираясь уходить. Но тут словно жаркий ветер ударил в спину, и Даана очутилась рядом. Коснувшись ткани пиджака на его груди, она тихо произнесла, почти прошептала:

– А если можно? Можно помочь? Нет выхода в твоей вселенной, а вдруг в моей найдется путь?

Феликс молчал. Он словно растворился в темноте, бесшумно распавшись хлопьями сгоревшей бумаги, и, если бы не ткань пиджака, Даана потеряла бы его.

– Я хочу помочь тебе, быть может, и смогу... Но мне надо знать, чего ты хочешь, что тебя мучает, – всю твою историю с самого начала. Я не настолько ночное существо, как ты, мне сложно находиться в полной темноте. Помоги мне, хоть немного помоги.

– Дон Вито в курсе, все расскажет, – невесело усмехнулся Феликс. – Добавить нечего.

Он поднял руку – в темноте его кожа источала тусклое лунное свечение, – слегка сжал обжигающие женские пальцы и шагнул сквозь запертую дверь.

Глава 2

Стемнело, и ночь упала на город тяжелым душным покрывалом. Стояла безветренная тишина, какая обычно бывает перед дождем. Феликс шел через сквер и продолжал ощущать на себе взгляд Дааны так, если бы она стояла у окна и пристально смотрела ему в спину. «Кажется, я задержался в этом городе, – подумал он. – Чересчур задержался...»

Перейдя через дорогу, мужчина обогнул здание ночного клуба-ресторана «Импераал» и направился в глубь дворов. Погруженный в свои мысли, Феликс не захотел обращать внимание на грузную фигуру, стоявшую у неприметной двери с торца клуба. Но фигура все равно окликнула его:

– Уважаемый! Что мимо проходим, к нам не заглядываем?

Феликс нехотя замедлил шаг.

- Привет, Айдын. Сегодня не загляну.

- А что так? - Фигура шагнула из темноты, и фонари высветили лысый череп с близко посаженными глазами и сломанным носом. Невысокое коренастое тело было втиснуто в черный костюм, в котором оно явно ощущало себя скованно и некомфортно.

Феликс остановился, и Айдын подошел ближе.

- Времени нет, да и настроения.

- А кто испортил? Феликс, ты только скажи, мигом все поправим.

Свет фонаря, как нарочно, светил охраннику не столько в лицо, сколько в шею. Похожую на обрубленный, кое-как отшлифованный пень шею. С парой крупных, толчками пульсирующих вен.

- Так в чем проблема, Феликс? Кто настроение испортил? Да ты зайди хоть на минутку, если играть не хочешь, так посиди. Папа Гога на месте сегодня. Выпивка, как всегда, бесплатно.

Феликс смотрел на пульсацию вен таким долгим замороженным взглядом, будто в жизни ничего не видал интереснее.

- ...и настроение поправится! - как сквозь вату, доносился голос охранника.

Феликс тряхнул головой, словно отгоняя наваждение, и отвел взгляд.

- Ты же знаешь, я не пью. Для игры нужен настрой. А его нет. Просто нет настроения.

- Ладно, раз так, - пожал плечами охранник. - В другой раз тогда заходи. У нас всегда для тебя открыто.

- Хорошо. Папе Гоге привет.

И Феликс пошел прочь, ускоряя шаг.

Когда после запрета игровых заведений в подвале ресторана «Империял» появилось казино, Феликс изредка стал захаживать туда, коротая бесконечно долгие ночи за игрой или разговорами с хозяином, которого все звали не иначе как Папа Гога. Шумный, многословный толстяк в неизменно мятых костюмах, с масляными прядями длинных волос вокруг обширной лысины, собранными в кудрявый жидкий хвостик, он неожиданно оказался достаточно неплохим собеседником. Они могли часами сидеть за персональным столиком Папы Гоги, смотреть шоу-программу и наблюдать за посетителями и игроками.

Но в этот вечер никаких шоу-программ и разговоров не хотелось. Коротким путем через дворы мужчина вышел к проспекту, где по ту сторону вечно шумящей машинами дороги возвышалась башня сталинской высоты. В этом доме последние пятьдесят лет проживал Феликс.

Не успел он поднести ключ к домофону, как дверь услужливо открыл охранник Алексей. Невысокий, пожилой, сухощавый, с выправкой военного в отставке, он поприветствовал жильца и сообщил, что в холле его ожидает посетитель.

– Что за посетитель? – В голосе Феликса прозвучала почти досада, настолько ему не хотелось сейчас никого видеть.

– Друг ваш, Владимир Сергеевич. Сказал, у вас сегодня встреча назначена.

– Ах да, верно. Спасибо.

В мраморном холле, сообщаясь с лифтовой, в кресле у журнального столика читал газету хорошо одетый мужчина лет пятидесяти с приятным спокойным лицом и полностью седыми волосами. На коленях у него лежала кожаная папка-портфель. Увидев Феликса, он отложил на столик газету, взял портфель и поднялся ему навстречу.

Мужчины поприветствовали друг друга, пожали руки и вместе направились к лифтам.

– Извини, что заставил ждать, – сказал Феликс.

– Ничего, сажу-то всего минут пятнадцать. Как дела, как здоровье?

– Все хорошо, жить можно. Как сам? – Феликс собрался нажать на кнопку вызова лифта, но вспомнил, что недавно кабину меняли, теперь она вся была зеркальной. – Пешком поднимемся? Все равно невысоко. Стараюсь добавлять себе физической нагрузки, а то мегаполис быстро превратит в развалину.

– Отличная идея, идем.

И они пошли по лестнице на двенадцатый этаж.

Этажа до шестого Владимир вполне бодро рассказывал, «как он сам», затем пошли трудности, а с десятого по двенадцатый пришлось подниматься молча, лишь тяжело дыша.

– Сдаешь, Володя, сдаешь, – усмехнулся Феликс, заходя на лестничную площадку и направляясь к двери своей квартиры, – мотору-то тренировка нужна.

– Нужна, – привалившись к стене, тот пытался отдышаться, – да где ж на нее времени взять?

– Теперь по лестнице будем ходить – тоже польза.

Феликс открыл дверь, в прихожей вспыхнул свет. Владимир разулся и сунул ноги в свои черные кожаные тапочки, как обычно стоявшие в углу. За все время их длительного сотрудничества Владимир не раз отмечал про себя, насколько педантичен его работодатель. В квартире всегда все вещи, предметы, мелочи стояли на одних и тех же местах, казалось, что ни одна ваза, книга, подсвечник никогда не сдвигались хоть на сантиметр в сторону. Так же и эти тапки – всегда в одном и том же углу, повернутые носками к двери под одним и тем же градусом.

Гость с хозяином прошли в столовую, и Феликс спросил, не голоден ли тот.

– Не отказался бы от бутерброда, не успел поужинать сегодня, – признался Владимир.

– К сожалению, большего предложить и не смогу, – развел руками Феликс, – только их, скромные холостяцкие бутерброды.

Оставив Владимира, он ушел на кухню, а Владимир положил папку-портфель на круглый стол, накрытый темно-вишневой, искусно расшитой скатертью, чьи перетянутые золотыми шнурками кисти касались пола, и прошелся по комнате взад-вперед, избегая наступать на ковер. Отчего-то ему всякий раз было жаль топтать старинный шелковый ковер, место которому было на стене, никак не на полу.

Как были обставлены другие комнаты в квартире, Владимир не знал. Они с Феликсом всегда общались только в столовой – просторном помещении, интерьер которой дал бы фору какой-нибудь старинной усадьбе. Каждая вещь, деталь, предмет обстановки – произведение искусства. Все подобрано и выстроено с безупречным вкусом, отчего вся эта роскошь не выглядела вульгарной или надменной.

Знакомы они с Феликсом были без малого двадцать пять лет. Владимир Сергеевич являлся его доверенным лицом во всех делах на территории Российской Федерации, требующих дневного света. Не так давно Владимир вышел на пенсию и теперь занимался только делами Феликса. Они прекрасно ладили, и Владимир был бы рад не только деловому партнерству, но и дружбе, но Феликс умело держал дистанцию, а у Владимира Сергеевича хватало ума и такта эту границу не пересекать.

Феликс вернулся с подносом, на котором стояло блюдо с тонко нарезанным сырокопченым мясом, различными сырами, хлебом и бутылка красного вина. Расставив угощение на столе, он отнес поднос на кухню, вернулся и сел в кресло. Прежде чем приступить к позднему ужину, Владимир достал из папки пачку документов и протянул Феликсу.

Пока он ел, Феликс просмотрел текущие отчеты. Цифры, как обычно, радовали: финансовые дела Феликса Эдуардовича Нежинского успешно шли в гору. Удовлетворенно кивнув, он положил бумаги на стол.

– Замечания, пожелания, вопросы? – Владимир налил себе немного вина.

– Пока нет, все хорошо.

- Есть пара предложений по новым инвестициям. Может, заинтересуют?

- В ближайшее время - нет. Никаких новых инвестиций.

Владимир не стал продолжать тему. Феликс никогда не ошибался: ни один вклад или проект не стал провальным или убыточным, словно он обладал даром предвидения.

Владимир Сергеевич закончил ужинать, они еще немного поговорили о том о сем, стрелки настенных часов показали половину двенадцатого, и гость засобирался уходить.

- В конце месяца снова явлюсь, - сказал он, переобуваясь в прихожей.

- Жду, - Феликс с улыбкой пожал ему руку и закрыл за Владимиром Сергеевичем дверь.

Слушая удаляющиеся шаги, звук поднимающегося лифта, Феликс подумал, что ему жаль будет расставаться с Владимиром. Они прекрасно сработались, но раз в двадцать - тридцать лет он менял своих доверенных, чтобы те не замечали, что работодатель не стареет и не меняется.

Вернувшись в столовую, Феликс отодвинул тяжелую бархатную штору, за ней - занавеску полегче, поднял жалюзи и приоткрыл окно, чтобы поскорее выветрился запах человека. После стал убирать посуду со стола. Его движения были безжизненными, механическими, словно мужчина вовсе не обращал внимания на то, что делает.

Наведя порядок, Феликс сел в кресло, откинулся на спинку и закрыл глаза. Так и сидел неподвижно, пока не раздался стук в оконное стекло и не зацокали по подоконнику птичьи когти.

- Ты сегодня рано, Паблито, - не открывая глаз, произнес Феликс.

- Ничего не рано! - хрипло каркнул ворон. - Я точный, как часы!

– Жди внизу, сейчас иду.

Оставив окно открытым, Феликс спустился на парковку. На крыше его машины уже топтался Паблито – крупная черная птица с отливающими металлическим блеском перьями. В рядах автомобилей ворон всегда безошибочно находил «Ауди S8» темно-зеленого цвета «амулет». Феликс открыл переднюю дверь, ворон привычно запрыгнул на пассажирское сиденье, а мужчина сел за руль.

– Какой-то ты кислый. – Поблескивая, круглые птичьи глаза бесцеремонно уставились на застывшее холодное лицо. – Что стряслось?

– Сговорились вы все сегодня, что ли? – Феликс выехал со стоянки и направил автомобиль к шоссе.

– Нет, ты сегодня вправду мрачнее обычного. Что с тобой? – продолжал допытываться ворон.

– Тоска, – сухо ответил Феликс, чтобы ворон отвязался, и этим ограничился.

– А, скука! Понятно. – Паблито потоптался по сиденью, встряхнулся, ероша перья. – Чего бы тебе не найти какое-нибудь занятие, которое еще не успело надоесть?

– За половину тысячелетия может надоесть все, что угодно.

Феликс притормозил на светофоре и посмотрел на пешеходов. Даже в такой поздний час народ все куда-то шел, куда-то торопился. Большинство выглядели серьезными, чем-то озабоченными, словно даже на ходу люди раздумывали о чем-то очень важном, решали какие-то глобальные проблемы.

– А если снова начать охоту на людей? – не унимался Паблито. – Погонять кого-нибудь в ночи по переулкам? Бодрит и освежает.

Феликс досадливо поморщился.

– Я уже лет сто не выношу этого. Как появились медикаменты с антибиотиками, человеческое тело, кровь так изменились, что стали настоящей отравой. Лет

шестьдесят назад первая и четвертая группы сильно отличались от второй и третьей – совершенно разные вкусы, а теперь все одинаковое, непонятно, что пьешь. Сушая гадость. Если бы человеческую кровь возможно было подделать, я бы решил, что мне регулярно стали подсовывать суррогат.

Желтый свет сменил зеленый, и они поехали дальше. Мимо пронесился ночной город во всем великолепии сверкающих огнями улиц. Взяв с приборной панели черные очки, Феликс прикрыл глаза от раздражающего мелькания иллюминации. Но вскоре света поубавилось – они свернули с магистрали.

Здание станции переливания крови Феликс мог бы найти с закрытыми глазами – так часто приходилось сюда ездить. Всякий раз ему удавалось за вознаграждение договариваться с ночными сторожами, выдавая себя за владельца домашнего зоопарка с редкими видами летучих мышей, которым для полноты рациона необходима человеческая кровь. Содержание настолько редких, контрабандных мышей являлось незаконным, поэтому приходилось вот так, тайно и с черного хода, добывать им пропитание.

На этот раз тоже все прошло без помех. Уже знакомый сторож – вечно разящий перегаром прыщавый парень – вынес четыре стеклянные бутылки консервированной крови.

– Еще могу сегодня вытащить свежзамороженной плазмы и тромбоцитный концентрат, они в пакеты упакованы, – сказал парень, неотрывно глядя, как клиент достает портмоне из внутреннего кармана пиджака.

– Не надо, этого вполне хватит.

Отсчитав купюры, Феликс взял бутылки и вернулся к машине. Паблито так и сидел на переднем сиденье, похоже, он успел придремать.

– Уже управился? – встрепенулся ворон. – Вот и хорошо. Прогуляемся?

– Давай не сегодня. – Положив бутылки в оборудованный под приборной панелью мини-холодильник, Феликс сел за руль. – Прилетай завтра часиков в десять – половине одиннадцатого, пройдемся в сквер.

– Как пожелаешь, – и Паблито нахохлился, собираясь подремать дальше.

– Птица, а не хочешь ли ты вылезти из машины и полететь самостоятельно по своим вороньим делам?

– Чего это? – Паблито приоткрыл один глаз и недоуменно поглядел на Феликса. – Зачем лететь так далеко, когда ты можешь меня подвезти?

– Вконец уже все обнаглели, – вздохнул Феликс, и машина тронулась с места.

Глава 3

Весь день шел дождь и стих только к ночи. Насквозь промокший город успокоился, потеплел и принялся рассматривать свои отражения в лужах. Размяв в пальцах стебель лимонной травы, Феликс вдохнул ее запах, затем тщательно разжевал и выплюнул, заглушая мерзкий привкус выпитой крови. Мужчина в темном костюме неторопливо шел в глубь темной аллеи сквера, следом за ним переваливался с лапы на лапу ворон. Проходя мимо дома Дааны, Феликс невольно замедлил шаг. В кронах деревьев проплыл приглушенный свет окна гостевой комнаты. Паблито, разумеется, заметил эту остановку, хотя она была лишь малым сбоем в ритме шага. Притормозив, ворон поднял голову и покрутил клювом по сторонам.

– А! – догадался он, куда посмотрел Феликс. – Так это здесь живет Даана? Вы почти соседи, да?

– Почти.

Ритм шагов мужчины снова стал размеренно четким.

– Слушай, получается, это и есть то самое... как его? Взаимное притяжение! А потом у людей происходит дружба или любовь, да?

– У людей, наверное, так и происходит, но мы – не люди. Ты почему-то все время об этом забываешь.

- То есть нет у вас никакого притяжения? Вы просто так, случайно селитесь рядом?

- Чего вдруг «селимся»?

- А, так это соседство само собой получилось, да?

Феликс не ответил, лишь ускорил шаг.

- Если вы одинаковые, почему бы вам не держаться вместе? - Растопырив крылья, ворон спешил за ним, не закрывая клюва.

- Мы не одинаковые, - отрезал Феликс. - Мы совершенно разные. И замолчи. Ничего больше не собираюсь обсуждать с паршивыми сплетниками из подворотен. Что крылатые, что усатые - одинаковые болтуны, ничего в вас не задерживается.

- Да я даже не знаком с этой крысой! Клянусь!

- Вне всяких сомнений, да.

Остановившись, мужчина смахнул ладонью дождевые капли со скамейки и сел. Сквозь кроны деревьев, как всегда, блистал и переливался огнями ресторан «Империал». Последождливая летняя ночь, уютная и теплая, как компаньон в бархатном халате, примостилась рядом. Вытянув ноги, Феликс закрыл глаза. Многокилометровый шум окрестных дорог и улиц тугими волнами бил в барабанные перепонки. Еще и суетливое карканье у ног невыносимо громко переругивалось - окрестные вороны слетелись в сквер и затеяли ссору с Паблито. С гневным гомоном собратья наступали на него, в ответ Паблито отбивался:

- Вон пошли! Пошли вон!

- И нам! И нам! Человек нужен нам!

- Мой! Личный! Мой!

- Тоже хотим! Тоже хотим!

- Пошли вон! Пошли вон!..

Феликс топнул ногой по асфальту, стая ворон разлетелась с оскорбленным карканьем, а Паблито приковылял вразвалку и запрыгнул на скамейку. Усевшись рядом, он сердито встряхнулся и проскрипел сварливо:

- Поналетели, дряни!

- Жадный ты. Им тоже хочется общаться, - не открывая глаз, произнес Феликс, - с человеком. Ну или с трупом человека, что вам особенно нравится. Какая она, кстати, мертвечина, на вкус? Правда такая сладкая, как говорят?

- Откуда мне знать? Я хоть и падальщик, но людьми брезгую. Тоже мне, нашел кондора в суете мегаполисных улиц.

- Хорошая строчка, - на белых губах возникла слабая отстраненная улыбка.

- В смысле?

- Ты сейчас так выразился, что из этого могут получиться стихи. Знаешь, что такое стихи?

- Феликс, ну что с тобой происходит? - Птица запрыгнула ему на колени и ткнулась клювом в плечо. - Что?

- Я живу почти пятьсот лет... - вяло произнес Феликс, отмахиваясь от него. - Это тоскливо.

- Ну и что? Я тоже давно живу, но мне не скучно.

- Еще успеешь. Нет, это даже не скука. - Феликс провел пальцами по волосам, будто проверял, достаточно ли гладко они причесаны и тщательно собраны в хвост. - Это обманутые ожидания.

– Не понимаю.

Из дверей «Империала» вывалилась пьяная компания с криками: «Такси! Такси!»
Феликс указал на шумных молодых людей и произнес:

– А лет двести тому назад они бы подзывали извозчика. Вот и вся разница.
Ничего не меняется.

– Э-э-э... а что ты хотел увидеть? Что-то ожидал от людей? Тебе кто-то пообещал, что они должны меняться? И что тебе за радость от этих перемен?

– Действительно. Никто не обещал. И верно – никакой. – Феликс закрыл глаза, затем медленно приподнял веки, и будто вязкая смоляная чернота пролилась из глазниц. – Что там твои вороны? Так никого и не нашли?

– Сам слышал, как скандалили. На пять городов отсюда – никого похожего на тебя. Отыщи они хоть кого-то, сразу бы растрепали.

Феликс снова закрыл глаза. Хотя смыкание век мало помогало отгородиться от внешнего мира, но это все еще обманывало, почти успокаивало. Паблито походил по скамейке, громко цокая когтями по деревянным доскам, наконец, выбрал место, уселся и притих. Но долго спокойно все равно не просидел:

– Ты неплохо ладишь или хорошо притворяешься, что ладишь с окружающим миром, так что бы тебе не завести подружку или друга? Чтобы вместе гулять, разговаривать... Имею в виду – человека.

– Боюсь сорваться, – нехотя ответил Феликс. – Тяжело все время держать себя под контролем и насиловать эту проклятую вампирскую природу.

– Ты как-то говорил, что у тебя временами так же невыносимо чешутся зубы, как когти у кошек. Обо что ты их точишь?

– Этого я тебе не собираюсь рассказывать.

Паблито правильно уловил тон голоса, отстал с этой темой, но продолжил про друзей:

- Ты часто общаешься с этим своим седым приятелем. С ним не боишься сорваться?

- Он мне не приятель, а доверенный в делах. С ним не боюсь.

- Это почему же?

- Когда-то давно Владимир получил дозу облучения, после чего у него развилась лейкемия. Время от времени я тайком подсыпаю в его еду алхимический порошок, поддерживающий его организм в относительно здоровом и работоспособном состоянии. Без этого болезнь давно бы его одолела. Я не могу пить такую кровь при всей своей тяге - больная кровь мне навредит. Поэтому всегда подбираю партнеров с проблемной кровью, иначе даже не рискну пригласить к себе домой. Главное, чтобы проблема была не острой, смертельной, а хронической, вялотекущей, иначе будут умирать быстро.хлопотно часто менять доверенных.

- Вот как, - ворон призадумался. - А что с седым стряслось? Я вообще-то всегда думал, что он из-за тебя поседел...

- Не говори глупостей, Володя не знает обо мне правды, только легенду: у меня болезнь, аллергия на солнце - фотодерматит, не могу вести дневной образ жизни из-за этого. Связан был с вредным предприятием, там и получил облучение.

- Если ты его не кусал, то как узнал, что с кровью неладь?

- Я человеческую кровь на расстоянии чувствую, различаю, где здоровая, где проблемная. Если человек болен, можно отравиться. И что ты вообще пристал со своими расспросами?

- Да не пристал я! - обиделся Паблито. - Просто общаюсь. Ведь мы же друзья!

- Кто тебе сказал? - Феликс принялся массировать виски, словно от вороньего карканья разболелась голова.

- Если это не так, могу уйти!

– Вперед, давай.

Захлопав крыльями, ворон взлетел со скамейки и скрылся в ветвях. Феликс помассировал лоб костяшками пальцев, думая об окне Дааны. Она с кем-то разговаривала на застекленной лоджии, но Феликс не понял с кем, не увидел собеседника.

Откинувшись на спинку скамейки, он запрокинул голову и взглядом искал звезды. Затерянные, засвеченные огнями мегаполиса небесные огни почти не различались на неестественно светлом небосводе. Феликс вспоминал их блеск и узоры, как величественно плыли созвездия над городом, когда дома еще не были такими высокими, а иллюминация – цветной и яркой.

Вспоминая звезды, Феликс машинально трогал, поглаживал массивный золотой перстень на безымянном пальце правой руки: вытянутой формы, с прозрачным темно-красным камнем в центре, он походил на искусно выполненный родовой вензель с монограммой в виде буквы «F».

В отдалении слышались чьи-то шаги – некто вошел в сквер со стороны «Империала». Продолжая разглядывать небо сквозь древесные кроны, Феликс скорее от скуки, чем из надобности, стал вслушиваться в этот звук: человек мужского пола, молодой, трезвый, но чрезмерно возбужден, возможно, действие каких-то легких наркотиков. Приближаясь, шаги замедлились, и Феликс понял, что человек его заметил. Он прекрасно понимал, как выглядит в глазах незнакомца: выпивший, хорошо одетый человек придремал на лавочке в темном сквере. И даже не сомневался, что этот прохожий воспользуется ситуацией. Другой бы ускорил шаг, торопясь пройти мимо.

Человек подошел к скамейке, постоял и присел рядом. Приобняв Феликса за плечи, парень принялся обшаривать его карманы. От наслаждения Феликс даже улыбнулся, чего увлеченный процессом человек не заметил. Как давно и как недавно это было! Похожим образом изображая богатого пьяницу, Феликс приманивал воров и бродяг на грязных улицах Мадрида и Толедо, после бросая их тела в сточные канавы. Хорошие, свободные были времена! Как мало стоила и значила человеческая жизнь! И можно было без лишнего притворства, почти не таясь, выходить ночами в город, как в таверну...

Человеческая рука скользнула во внутренний карман пиджака. Сквозь ткань рубашки мужчина ощутил тепло ее кожи и толчки пульса, от чего по телу прошла болезненно сладкая дрожь. Феликс приподнял голову и в упор посмотрел на сосредоточенное лицо молодого человека. В темноте его непроницаемо-черные глаза вдруг вспыхнули смутным багровым сиянием и стали различимы узкие вертикальные зрачки. Увидав это явление, парень замер и постепенно стал отстраняться, но Феликс быстрым движением руки схватил его за затылок и притянул ближе.

- Любишь гулять по ночам? – тихо, доверительно, словно разговаривал со старым знакомым, произнес Феликс.

- Иногда, – шепотом ответил парень.

- Я тоже. Хочешь погулять за компанию?

Лицо незнакомца четче проступило из темноты, словно его мраморные черты стали источать прохладное зыбкое свечение. Как замороженный, парень уставился на глубинно-черные, с кровавым отблеском, нечеловеческие глаза и мертвенно-белые губы. Продолжая придерживать парня за голову, Феликс поднял правую руку, сжал пальцы в кулак – и из массивного перстня с тугим щелчком выскочил золотой «коготь». От этого звука парень словно очнулся и отчаянно закричал. И тут откуда-то с ближайшего дерева прямо им на головы спланировал Паблито. С оглушительным карканьем ворон принялся хлестать крыльями по головам, от чего молодой человек закричал еще пронзительнее, а Феликс вздрогнул и опомнился. Ослабив хватку, он разжал пальцы, отпуская затылок жертвы. Парень вскочил со скамейки и понесся прочь, не разбирая дороги.

- Ты что творишь?! – воскликнул Паблито. – На минуту нельзя оставить!

Феликс не ответил – он задыхался, его трясло всего с головы до ног. Потребовалось немало времени, прежде чем он смог прийти в себя и успокоиться. Отдышавшись, мужчина погладил пернатую спину все еще дрожащей рукой.

- Ты вовремя явился.

– Далеко и не уходил! – проворчал Паблито. – Давай вставай, пройдемся немного, подышим воздухом, успокоим нервы.

Тяжело поднявшись, Феликс медленно побрел по безлюдной аллее.

Глава 4

Сидя в плетеном кресле на лоджии, уставленной многочисленными растениями в горшках и кадках, что делало ее похожей на миниатюрный зимний сад, Даана держала в руке бокал белого вина. С пола до потолка обшитая светлым деревом, лоджия напоминала комнату загородного дома, не хватало лишь камина, но его вполне заменяли свечи, горящие в латунных напольных подсвечниках. Точеные плечи Дааны мягко обнимала ткань серо-розовых тонов, крупные складки небрежной драпировки казались сонными волнами предрассветной реки.

– Мне известно только то, что он из Испании, но не знаю, в каком городе родился, – произнесла девушка, рассеянно глядя поверх бокала.

– В Толедо, – охотно подсказал Дон Вито. Крупный, упитанный коричнево-рыжий крыс со светлым брюшком сидел у расписного керамического горшка с кофейным деревцем. – Раньше этот городок был столицей Испании, потом все дело переехало в Мадрид.

Даана перевела на него тяжелый взгляд с пульсирующими фиолетовыми зрачками.

– Извини, просто сорвалось, – развел лапками крыс. – Не хотел.

– Кем Феликс был до того, как стал вампиром?

– Его вовсе и не Феликсом зовут, – крыс подошел ближе, уселся поудобнее и доверительно заглянул Даане в глаза. – Настоящее имя Феликса – дон Эрнандо Хавьер де ла Роса Ларио. Он из богатого испанского рода, и я даже запомнил, как звали его отца, мать и сестер, хотя он только раз о них и упоминал.

– Ничего не знаю о его семье... – девушка опустила глаза и стала рассматривать золотисто-соломенное вино, играющее в хрустальных гранях.

– Давай расскажу, если хочешь?

– Расскажи.

– Отца его звали дон Аласар Хуан де Ларио, мать – донна Леонор Мария де ла Роса, а сестер – Ракель и Леокадия. И наш Эрнандо – красивый, богатый молодой повеса. Хотя по тем временам не такой уж и молодой: почти тридцать годов уже стукнуло, а все неженат, наследников заводить не торопится, на родительские переживанья внимания не обращает.

– Они были состоятельной семьей?

– Да, им принадлежал особняк в самом Толедо, также большое имение в пригороде, где они разводили всякий мелкий скот, лошадей и быков для корриды.

– Лошадей... – почему-то повторила Даана задумчивым эхом. – Продолжай.

– Потом чума пришла, эпидемия разразилась. Родители один за другим умерли, Эрнандо тоже заболел, но его выходили сестры какими-то заговорами да травяными сборами – их няня научила, пока живая была. Про няню больше ничего не знаю, Феликс не рассказывал, а то бы я запомнил. Так вот, брата они выходили, но не успел он встать на ноги, как кто-то беспокойный сообщил куда следует, что девушки колдуньи, мол, именно они наслали на город чуму, и сестер без особых разбирательств сожгла Инквизиция. И вот как получилось: от болезни оправился, а никого из родни в живых не осталось, своей семьи тоже нет. Зато есть большое состояние, много денег, одиночество и дремучая депрессия – настоящий подарок для Дамиана!

– Что еще за Дамиан? – Девушка отставила бокал на низенький столик с ажурными металлическими ножками, стоящий под рукой у боковины кресла.

– В те времена Дамиан являлся предводителем общества вампиров в Испании. Выслеживали они богатых бездельников вроде Эрнандо, наблюдали за ними.

Дождавшись подходящего момента, Дамиан затеял с ним непринужденную беседу на какой-то очередной пирушке, куда Эрнандо явился напиться и побить посуду. Дамиан мигом нашел к нему подход: для него Эрнандо был даже не открытой книгой, а книгой, вовсе вырванной из переплета. Там и стараться не пришлось.

Вскоре Дамиан стал ему настолько близок, что Эрнандо и шага не мог ступить без своего компаньона. Они часами беседовали, устраивали поединки на шпагах, кутили вместе ночи напролет. Эрнандо снова начал находить эти попойки веселыми, к нему вернулся вкус к жизни. Дамиан оживил его.

Как только мерзавец понял, что крючок хорошенько проглочен, он рассказал о себе правду – открылся, что он вампир. И сделал Эрнандо заманчивое предложение примкнуть к их обществу. О, сколько преимуществ это в себе несло! Бессмертие, множество способностей, недоступных простому человеку, и самое главное – стопроцентный иммунитет от всех болезней, включая чуму. А еще невероятное, ни с чем не сравнимое удовольствие от питья человеческой крови. Удовольствие, затмевающее все радости и удовольствия мира. И конечно же их вечная дружба – вместе навсегда. Все это за сравнительно скромную плату – половина состояния семейства де Ларио.

– Половину состояния? – удивилась Даана. – Вампиры получали новообращенных за плату?

– Вампиры такого ранга не звали к себе кого попало. Выбирали близких по уровню развития и материального состояния – аристократов с хорошим воспитанием и блестящим образованием. Они никогда не предлагали своих услуг бедному люду: необразованный человек мог в любой момент неправильно себя повести, навлечь подозрение на все общество глупой болтовней или опрометчивыми поступками, да и не сумеет он в полной мере наслаждаться тонкостями искусства, науки, философии – всем тем, чем развлекают свою скуку благородные господа, у которых впереди вечность.

– Разве не способен бедняк со временем всему этому научиться?

– Не способен, увы, – крыс вздохнул, почесывая живот. – Если человек не был достаточно развит до момента обращения, то и после, став вампиром, он таким же и оставался, без способности к развитию. Вампиры не желали рисковать

спокойствием своего тайного общества, вот и подбирали кандидатов исключительно из благородного сословия.

- Но почему половина состояния Эрнандо? Отчего они не потребовали все?

- А к чему им умножать разорившихся рыцарей? Донкихоты лишь для комедии годятся. Вампиры точно знали, сколько забирать, чтобы благородный человек сохранил свой привычный образ жизни. Им не нужны были попрошайки. Изредка они делали вампирами прислугу, но прислуга не могла питаться человеческой кровью, только кровью свиней, собак и крыс. - Дон Вито невольно поежился. - Когда слуги отрабатывали свое и в них пропадала надобность, их убивали сами же вампиры.

- Плетьюми забивали или палками?

- В цепи заковывали и заживо хоронили.

В наступившей тишине затрещали горящие фитили, словно одновременно во все свечные огоньки попали капли масла. Даана коснулась собственного лица, провела кончиками пальцев по переносице и скулам, словно проверила на ощупь плавность линий, затем спросила, что было дальше.

- А на чем мы остановились?

- На том, что Эрнандо заплатил половину состояния за свое проклятие.

- Сейчас, минутку, соберусь с мыслями. - Крыс прошелся туда-сюда, уселся у витой ножки одного из латунных подсвечников, пригладил лапками усы и продолжил: - Как я понял, Эрнандо недолго размышлял да мучился выбором. Вскоре он прошел посвящение и присоединился к сообществу вампиров. Отрекшись от природы человека, от своего имени, рода, он получил новое имя - Феличе, «счастливый». Но тут-то все криво и пошло. Да так криво, что такого поворота даже Дамиан со своим тысячелетним опытом не спрогнозировал.

- Что же пошло не так?

– Феличе получил все обещанное, кроме наслаждения от питья крови. Его мутило, воротило, он мучился, как на дыбе. Поэтому и не смог вписаться в свое новое общество. Знаешь, как это бывает: секта наркоманов со своим стилем жизни, куда пытается влиться чужак, которого регулярно тошнит от удовольствия прямо в тарелку. Феликс предполагал, что это могло произойти из-за трав и заговоров сестер, когда они его от чумы лечили. Что-то замкнули эти заговоры в его природе, не дали развернуться вампирской программе в полную силу. Так Феличе и стал изгоем. Вампиры его не принимали, а с людьми он уже не мог общаться, как раньше. Он много путешествовал по миру, затем, где-то в середине восемнадцатого века, прибыл в Россию. Что его тут заинтересовало – не знаю, должно быть, наша суровая глухомань с ее долгими зимними ночами ему под настроение и образ жизни подошла. В общем, Феликс остался здесь. Дальше ты знаешь.

Даана взяла со столика бокал вина и снова принялась с ним играть. А Дон Вито подобрался поближе и уселся, почти касаясь пушистым боком легких домашних туфель серебристо-персикового цвета, выглядывающих из-под подола платья. От девушки ощутимо веяло зноем, сухим жаром раскаленной пустыни.

– А как ты с Феликсом познакомилась, можно узнать? – вкрадчиво поинтересовался крыс.

– А ты никому не расскажешь? – с усмешкой спросила Даана.

– Конечно нет! – всплеснув лапками, Дон Вито встряхнулся и приосанился. – Как можно так подумать обо мне! Я же не сплетник какой-нибудь, навроде ворон этих болтливых! Я – совсем другое дело! Рассказывай, не беспокойся, все тайны умрут во мне. Я – могила!

Даана держала бокал обеими руками, словно хотела согреть вино, взгляд ее плавал, рассеянно скользя по цветам и глянцевым листьям растений.

– Это случилось почти двести лет назад, – тихо произнесла она. – Феликс жил тогда под Петербургом, владел усадьбой с конезаводом. Именно из-за этого конезавода мы и обратили на него внимание.

– Мы – это кто?

– Не надо тебе этого знать.

– Как скажешь. А что было не так с конезаводом?

– Кроме редких пород, у него водились мустанги-иноходцы. А это дикие лошади с другого континента, они не размножаются в неволе. У Феликса же они имелись и успешно размножались. Он даже выводил какие-то новые породы, но при этом сам никогда не подходил к лошадям, не входил в конюшни, только его конюхи. Лишь позже я узнала причину: лошади – одни из немногих животных, чующих вампира, они начинают беспокоиться, если он подходит близко.

Мне пришлось поселиться по соседству, чтобы понять, какое существо ступило на эти территории. Прежде мне не доводилось сталкиваться с вампирами. С оборотнями случалось, но с настоящим вампиром – никогда. Кстати, Феликс всегда обладал какой-то холодной, но абсолютно магнетической притягательностью, от которой женщины просто сходили с ума. Сегодня она – уважаемая мать почтенного семейства или юная девица строгих правил, а завтра мимолетно увиделась с Феликсом – и все пропало. Как же его утомляло это назойливое внимание...

– Еще бы! Испанский аристократ, как тут устоять! – захихикал Дон Вито. – А ты как? Тоже равнодушной не осталась? Мне можно рассказать, я же – могила!

Даана в упор взглянула на крысу пульсирующими зрачками-метрономами. Тот сразу же отошел к горшку с кофейным деревцем и смиренно уселся у расписной керамической стенки.

– Что Феликс желает сильнее всего на свете? Без чего он не в состоянии жить?

– Без солнца! – торопливо выпалил крыс, взволнованный металлическими нотами ее голоса. – Больше всего на свете он жаждет снова увидеть солнце. Феликс так и не стал полноценным вампиром, в нем осталось что-то человеческое. А человеку нужно солнце, иначе он начинает мучиться в темноте. Феликс и так почти пять сотен лет терпел. Больше не может, невыносимо ему.

Золотистые глаза диковинного разреза прищурились, становясь похожими на лепестки мифического цветка.

- Солнце? - переспросила Даана. - И все?

- Да. Больше ему ничего не нужно. А! Еще Феликс говорил, что его мучают сотни лет постоянного вранья. Вся его жизнь состоит из легенд и лжи. Он до смерти устал от этого.

- Если существование его столь мучительно и беспросветно, отчего он не желает покончить со всей историей разом? Со всей своей бесконечной трагедией. Это же так просто: дождаться рассвета, увидеть солнце и умереть счастливым.

- Феликс рассказывал, что на его памяти некоторые вампиры до того разочаровывались в своем существовании, что так и поступали. И тогда с ними начинало происходить нечто страшное. Смерть для вампира - не финал, не избавление. Подробностей, увы, не знаю, Феликс этой теме неохотно касается. В общем, деваться ему некуда, и порой мне кажется, что держится он уже из последних сил. Настолько из последних, что рядом постоянно ворон кружится...

- Это тот, который Паблито?

- Ну да. Следит, как бы Феликс чего не натворил. Плохи дела.

- А ворону-то что за интерес в проблемах Феликса? Да и тебе тоже.

- Он понимает нас, мы можем общаться. Для меня, да и для пернатого, это редчайший шанс обрести такого защитника.

В этот момент с улицы раздался пронзительный, полный ужаса крик, который не смогли заглушить ни расстояние, ни стекла. Девушка привстала, выглянула в окно и увидела, как из сквера прямо на шоссе выбежал парень. Чуть не попав под машину, он помчался дальше под аккомпанемент рассерженных автомобильных гудков.

Даана поправила упавшую на лоб медную прядь волос, и они с треском заискрились под пальцами. Крыс поглядел на это явление и произнес:

- А какая у вас разница в возрасте? Она есть?

- Да, - Даана присела обратно в кресло и снова принялась играть бокалом, словно не могла придумать, чем еще занять руки, - но разница относительна.

- Поясни, пожалуйста.

- Попробую. Если говорить о биологической разнице, то я старше его почти на двести лет. Если говорить о психологическом возрасте, то я лет на пятьсот его моложе.

Недоуменно поморгав глазками, крыс поинтересовался, как такое может быть.

- Все просто. До того как стать вампиром, Феликс уже был взрослым, сложившимся человеком, много знающим, умеющим и понимающим. В дальнейшем он продолжил умножать свои знания. А я родилась такой, какая есть, мое время течет иначе, взросление идет по-другому, намного медленнее, чем у обычных людей - ведь у людей и время жизни намного короче, им многое надо успеть. Мне некуда торопиться.

- Но ты не вампир?

- Нет, конечно.

- Но при этом обладаешь таким же бессмертием, как Феликс?

- Нет, совершенно другим бессмертием я обладаю.

- А ты добрая или злая?

Даана рассмеялась. Дон Вито впервые увидел, как она смеется. Ожила точеная маска лица, смягчились острые скулы, засияли мягким зеленоватым золотом глаза. Девушка проговорила сквозь смех:

- А Феликс злой или добрый?

- Кому как! - развел лапками крыс.

- Вот и я – кому как. – Даана вздохнула и стала смотреть на бокал. И рассматривала вино соломенного цвета до тех пор, покуда Дон Вито, по-своему истолковав ее молчание и взгляд, услужливо не предложил:

- Льдинку принести?

Даана очнулась. Она поднесла бокал к губам и поглядела на крысу.

- Только солнце?

Дон Вито торопливо закивал.

- Понимаешь, это очень важно. – Девушка вдруг надкусила край бокала, и стекло захрустело на белоснежных, крепких, как алмазы, зубах. – Если он хочет получить какое-то иное могущество...

- Нет! – воскликнул крыс. – Феликс желает лишь одного: увидеть солнце и остаться живым!

Даана встала, смахивая с губ хрустальные крошки. Затем произнесла глухим темным голосом:

- Ничего ему пока не говори. Если проболтаешься, уничтожу и тебя, и весь твой род крысиный.

- Нет-нет, что ты! Из могилы – ни звука! А ты с кем-то посоветуешься? Встретишься со своими? Попытаешься что-то сделать для него?

- Да, – коротко ответила Даана.

- Но... если ты найдешь возможность дать ему желаемое, будь осторожна, подумай, как преподнести. Феликс может и не взять. Из твоих рук.

- Почему?

- Потому что он – испанский дворянин! – усмехнулась крыса.

Глава 5

Паблито сопровождал Феликса до самого дома. Подойдя к двери подъезда, мужчина будто споткнулся и остановился. Вопросительно задрал клюв, ворон потоптался вокруг его блестящих новизной черных туфель. Птичьи когти, казалось, невыносимо громко цокали по асфальту. Всякий, даже незначительный, звук мучительно, раздражающе действовал на обострившийся слух вампира. Глядя снизу вверх, Паблито обеспокоенно рассматривал оцепеневшего мужчину – он походил на неоконченную скульптуру. Словно некий мастер вдохновенно вырезал все эти точные линии и забросил свое творение, оставив его стоять посреди шумного города.

– Феликс! – хрипло прозвучал птичий голос. – Отомри!

С видимым усилием мужчина опустил голову и посмотрел под ноги.

– Так ты идешь домой или не идешь?

– Иду.

– А чем займешься? Как украсишь свой досуг? – Ворон продолжал болтать, словно боялся, что замолчи он хоть на секунду – Феликс снова замрет.

– Не знаю, – ровным голосом ответил Феликс, почти не размыкая губ. – Телевизор посмотрю, почитаю что-нибудь...

Он уже начал ощущать подступающую болезненную дрожь. Еще немного, и ее острые коготки вцепятся изнутри, заставляя содрогаться всем телом.

– Нет у тебя телевизора, и все ты давно уже прочитал. Плохо тебе? Чем помочь?

– Ничем. Сам справлюсь.

– Уверен?

– Да. Увидимся завтра.

Вспорхнув с асфальта, ворон описал дугу над головой мужчины и скрылся за домами. Феликс проводил его взглядом, после открыл дверь подъезда и вошел в вестибюль. Призраком он проскользнул мимо стеклянной конторки охраны так, что его не заметил дежуривший в эти сутки Геннадий. Сидя за столом перед мониторами камер наблюдений, охранник читал книгу и даже не поднял головы, когда мимо промелькнула черная тень.

Феликс нажал на кнопку вызова лифта. Открылись-закрылись двери кабины, охранник выглянул на звук из конторки, но вестибюль с лифтовым холлом оставались пустыми.

Войдя в кабину, Феликс оказался посреди залитого ярким светом зеркального пространства, в котором отражалась лишь его одежда. Мужчина поднял руку, глядя, как в зеркалах сам собой движется пустой рукав пиджака.

– Человек-невидимка, – вслух произнес Феликс. И улыбнулся. Затем расхохотался.

Лифт остановился на двенадцатом этаже, и Феликс еле выбрался из кабины на площадку. Согнувшись пополам, на слабых ногах, держась рукой за стену, мужчина побрел к двери своей квартиры. Смех накатывал и накатывал безобразными неуправляемыми приступами, он смеялся и не мог остановиться. Из квартиры напротив выскочила маленькая растрепанная старушка в криво застегнутом халате и всплеснула руками:

– Феликс Эдуардович! Что с вами?! Что случилось?

– А-а-а-а... – только и смог выдавить Феликс, пытаясь попасть ключом в замочную скважину.

– Да что ж стряслось, святые угодники! – старушка юркнула куда-то ему под мышку, стараясь поддержать, чтобы не упал. – Побили вас? Ранили? Милицейских позвать?

Ключи выпали из непослушных пальцев и звякнули о мраморный пол.

– Ааааа... отойдите от меня! – из последних сил Феликс оттолкнул ее. – Отойдите! Не! Трогайте! Меня!

Поднять ключи с пола он уже не мог – боялся упасть. Старушка сделала это за него. Схватив ключи, она открыла замок и опять попыталась поддержать соседа, помочь зайти в квартиру. Но Феликс снова оттолкнул женщину, ввалился в прихожую и с грохотом захлопнул дверь.

– Святые угодники... – соседка припала к двери и прислушалась, готовясь позвать на помощь хоть охрану, хоть полицию, но за дверью царила полнейшая тишина: ни шагов, ни упавшего на пол тела. Покачав головой, старушка пошла домой, что-то бормоча себе под нос.

Добравшись до кухни, Феликс распахнул дверцу холодильника и схватил с полки бутылку крови. Ослабев от смеха, он наткнулся на столы и кресла, пока добирался через комнаты к кладовой – маленькой комнатушке, где должны были храниться ведра, швабры, какая-нибудь рухлядь, которая когда-нибудь непременно понадобится. В пустом, полностью звукоизолированном помещении стоял манекен. Пугающе похожая на живого человека восковая скульптура в рваной, перепачканной засохшей кровью одежде изображала высокого молодого мужчину с лицом и телом древнеримского божества. Ухватившись за плечо куклы, чтобы не упасть, с надсадным животным хрипом Феликс вонзил клыки в искусанное восковое горло. Тело непрерывно сотрясала сильнейшая дрожь, на лбу выступила испарина розоватого цвета. С остервенением он впивался все глубже, словно ожесточенно пытался прокусить манекена насквозь. На миг оторвавшись, Феликс воткнул горлышко бутылки с кровью себе в рот и жадно, захлебываясь, стал пить. После снова вцепился в куклу и долго терзал восковое горло, пока не почувствовал облегчение.

Отвалившись от манекена, мужчина ударился спиной о стену, вытер лоб рукавом пиджака и, пошатываясь, как во хмелю, вышел из кладовой, хлопывая за собой дверь.

Пройдя в гардеробную, Феликс полностью разделся, сложил одежду в пакет, тщательно, будто пиджак с рубашкой могли выпрыгнуть, завязал пакет и выставил за дверь. После снял с ближайшей вешалки костюм, рубашку, оторвал ценники, взял с полки белье, носки, туфли и пошел в ванную.

Переживать заново лифт, зеркала и охранника ему не хотелось. Проведя ладонью по гладко зачесанным, собранным в хвост еще влажным волосам, Феликс вышел на балкон и посмотрел на мутное от городских огней небо. До утра еще оставалось достаточно времени. Перешагнув через перила, мужчина, словно черная ящерица, скользнул по стене дома, спрыгнул на асфальт и пошел на парковку. Сняв пиджак, Феликс положил его на заднее сидение и сел за руль. Выезжая со стоянки, он не обратил внимания на двух птиц, увязавшихся за машиной. Пара кречетов – крупные соколы с бело-серой рябью на крыльях – взяли дистанцию в десяток метров и полетели следом.

Только отдалившись от городского шума, Феликс заметил этот звук – свист птичьих крыльев.

– Ты надоел мне, Паблито! – процедил он, оборачиваясь. Но не увидел никого и ничего, кроме пустого шоссе и березового леса.

Феликс потер пальцами лоб, решив, что это может быть последствием незавершенного убийства. Галлюцинации слуховые, зрительные, осязательные... такие мучительно реальные галлюцинации являлись частым бонусом ко всему, что он переживал после неубийства человека, в очередной раз изменяя своей природе.

Шоссе летело под колеса, мелькали указатели, но Феликс так хорошо знал эту дорогу, что не особо и следил за ней. Он постепенно увеличивал скорость, пытаясь войти в быстроту движения и отвлечься от случившегося. Но мешал навязчивый свист крыльев. Так долго галлюцинации не длились. Феликс сбросил скорость, съехал на обочину, остановил машину и вышел. Свист тут же прекратился. Выйдя на середину дороги, мужчина огляделся. Взгляд его, способный проникать на дальние расстояния и подмечать мельчайшие детали, невидимые простому глазу, скользнул по округе, но ничего живого или неживого, способного производить подобный звук, он не увидел. Времени до рассвета оставалось все меньше, следовало торопиться. Феликс вернулся в машину и поехал дальше.

Не доезжая до указателя «Троицкое-1», он свернул с шоссе на проселочную дорогу и направил авто к выкрашенному зеленой краской деревянному дому, окруженному невысоким забором. Заглушив двигатель, Феликс вышел из машины и направился к калитке. Просунув руку сквозь металлические прутья, он откинул засов и вошел во двор – небольшой, ухоженный, со старой яблоней и

недавно вскопанным огородом. Феликс задержал взгляд на молодых ростках, бодро торчащих из сырой земли, поднялся на крыльцо и негромко постучал в дверь. Пришлось подождать, пока слышались шаркающие шаги.

- Кто там?

- Это я, Василий Федорович.

- Ох, Феликс, приехал...

Загремели отпираемые замки, дверь приоткрылась. На пороге стоял худощавый сутулый мужчина лет семидесяти в майке и кальсонах, с заспанным морщинистым лицом и всклокоченными серо-седыми волосами.

- Прошу прощения, что в такое время, раньше никак не мог.

- Что ты, что ты, проходи!

Старик посторонился, пропуская гостя в дом. На шум вышла и хозяйка в наспех застегнутом халате – невысокая пожилая полная женщина с белыми волосами, заплетенными в растрепавшуюся косу.

- Феликс, сынок! – Лицо ее, в чертах которого еще можно было рассмотреть красоту молодости, расцвело искренней радостью. – Хорошо, что заехал!

Она протянула к нему руки, обняла и чмокнула в щеку.

- Поздно получилось вырваться с работы, разбудил вас, Мария Семеновна, – ответил Феликс с теплотой в голосе.

- Да что ты, милый, всегда тебя ждем! Девчонок пойду подниму, они обрадуются...

- Нет-нет, – остановил Феликс, – не надо. Сейчас экзамены идут, им надо хорошенько отдохнуть и высыпаться. Я буквально на минуточку.

– Хорошо, сынок, как скажешь.

Все вместе они прошли в кухню, и Феликс прикрыл дверь, чтобы девочек не разбудили разговоры. Сняв пиджак, мужчина повесил его на спинку стула и присел за стол, накрытый цветастой скатертью.

– Чаю сейчас согрею. Покушаешь что-нибудь? – засуетилась хозяйка.

– Ничего не надо. – Феликс расстегнул верхние пуговицы рубашки и положил руки на стол, сцепив пальцы в замок. – Присядьте, пожалуйста, надо поговорить, у меня правда мало времени.

Старики послушно, как дети, уселись напротив. Феликс смотрел на них, думая, как сильно они постарели в последнее время, особенно Василий Федорович сдал...

– Вы решили что-нибудь насчет завещания? – спросил Феликс. – Как хотите составить, что в него вписать?

Мария Семеновна тяжело вздохнула, а Василий Федорович молча поднялся из-за стола и пошаркал к подоконнику, где за занавеской стояла жестяная банка, приспособленная под пепельницу, и лежала неизменная пачка «Беломора». Открыв окно, он закурил. Феликс глянул на старика вполоборота.

– Неужели нельзя наконец нормальную пепельницу купить? И сигареты? Разве можно травить себя подобной дрянью в вашем возрасте?

– Привычка, – усмехнулся старик, – куда от нее, проклятой, денешься.

– Еще огород этот, – продолжал Феликс. – Сколько можно вас просить не ворошить землю? Скажите, что надо, я все привезу в любых количествах: фрукты, овощи, зелень – все, что вам требуется. Картошки этой вашей, лука... Ну сколько вы за зиму съедаете? Мешков двадцать вам хватит?

– Феликс, Феликс, сыночек, – женщина накрыла его ледяные пальцы теплыми ладонями, – не сердись на стариков. Всю жизнь мы на земле, срослись с ней. Землица здоровье-то не отнимает, силу она нам дает. Тут покопаемся, там

повозимся, прополем, подвяжем, польем и вот – радостно нам. Огородик живет, и мы вместе с ним.

– Как знаете. – Феликс мягко высвободил руки из ее ладоней. – Так что насчет завещания?

– Да не знаем мы, чего писать. – Старик затушил окурок в банке и вернулся за стол. – Как сам ведаешь, так и напиши.

– Видимо, так и придется сделать. Основной пункт – мое опекунство над девочками – в силе, не передумали?

– Что ж тут передумывать, – ответил старик. – Нас похоронят, и все – голые сироты. Никому не нужны, никто не заступится. На кого нам еще-то надеяться?

– Хорошо. Мне надо было знать, что вы не передумали. – Феликс обернулся, из внутреннего кармана пиджака, висящего на спинке стула, достал плотный конверт и положил на стол.

– Куда ж так много! – всплеснула ладонями Мария Семеновна. – На прошлой неделе ведь привозил! Не надо, сынок, от себя, небось, отрываешь! А нам ни в жизнь столько не потратить!

– У девочек выпускной скоро, купите что надо.

– Так на будущий год этот выпускной.

– Ну да, говорю же, скоро. Чтобы в последний момент не суетиться. Купите заранее, платье там, туфли... все, что положено.

– Хорошо, купим. – Мария Семеновна вдруг опустила глаза и принялась тереть оборку халата на груди.

– Что такое? – Феликс подпер кулаком подбородок. – Говорите.

– Про границу эту... – нехотя произнесла женщина. – Зачем их туда отправлять? У нас тут, что ли, университетов нету?

– Девочкам не помешает хорошее образование и широкий взгляд на мир. И я могу им это обеспечить. Я бы вас всех вместе отправил в теплые края, куда-нибудь на берег моря-океана, если бы вы так упорно не держались за свой огород. Но насильно не могу заставить, поэтому поедут только девочки.

– Да куда ж нам ехать, Феликс? – Старик снова встал из-за стола и пошаркал к подоконнику. – Дом наш тут. Здесь и помереть хотим. Пушай девочки ездаят, мир посмотрят, что им тут сидеть да на нас глядеть. Верно ты решил.

Мария Семеновна прикрыла ладонью лицо, смахивая слезы. Наручные часы Феликса издали короткий сигнал, предупреждающий о времени за полчаса до наступления рассвета.

– Мне пора, – Феликс поднялся, прихватывая со стула пиджак. – Если получится, заеду через неделю, постараюсь вырваться пораньше, чтобы девочек увидеть.

Старики заторопились к двери, провожая его.

– Береги себя, сынок! Всегда тебя ждем!

Выйдя со двора, Феликс сел в машину и резко тронулся с места. Выбравшись на шоссе, он проехал с полкилометра, заметил подходящую просеку, свернул в лес и там остановился. Открыв бардачок, Феликс выдвинул вспомогательную панель и нажал на одну из кнопок. С глухим гудением стали подниматься вторые, тонированные стекла, превращая салон машины в светонепроницаемый бункер. Затем мужчина перебрался на заднее сиденье и поискал глазами наилучшую для наблюдения точку. Приличное расстояние, стена деревьев не являлись для него преградой. Взгляд мигом нашел сотни просветов в кронах и отыскал зеленый дом с невысоким забором. Крошечной картинкой он отразился на поверхности каменно-черных глаз. Затем глазницы стали расширяться, с этим увеличилась и картинка. Теперь дом виделся так близко, словно Феликс стоял в паре метров от забора.

Посветлевшее небо разлилось огненным рассветом, ожило шоссе, замелькали машины. Удерживая наилучшую точку обзора, Феликс продолжал наблюдать за домом. Так он просидел без малого почти три часа. В половине восьмого на крыльцо вышли девочки – худенькие, ладно сложенные, черноволосые,

прелестные в своей еще не раскрывшейся красоте. Поправляя ремешки сумок на плечах, они поцеловали вышедших следом бабушку с дедушкой и пошли в школу. Старики вернулись в дом. И тут Феликс наконец-то увидел этих птиц. Пара кречетов сидела на верхних ветках яблони. Когда закрылась дверь, птицы слетели вниз, на миг пропали из вида, и во дворе вдруг оказалось двое мужчин в одинаковой одежде: серые брюки свободного кроя, серые рубашки. Один за другим они поднялись на крыльцо и постучали в дверь.

Глава 6

Заслышав стук, Мария Семеновна открыла, даже не спросив, кто там. На крыльце стояла пара молодых людей, как показалось – близнецы: высокие, широкоплечие, русоволосые, коротко стриженные, с приятными загорелыми лицами и светло-серыми глазами. Увидев их, Мария Семеновна потерла веки тыльной стороной ладони, пытаясь избавиться от муторной дремы после беспокойной ночи, и спросила, что им надо.

– Маша, кто там? – выглянул из комнаты старик.

– Не знаю, – развела руками женщина.

– Мы от Феликса Эдуардовича, – ответил один из парней и открыто, белозубо улыбнулся. – Он попросил нас заехать и завезти вам предварительный вариант завещания. Я Петр, он – Павел. Можно войти?

– Конечно, проходите.

И Мария Семеновна отступила в глубь коридора.

Гости вошли, и их проводили на кухню – единственное просторное помещение в доме, служившее заодно и столовой. Молодые люди скользнули беглыми взглядами по обстановке: протертый линолеум, нехитрая мебелишка, светло-желтые обои в мелкий цветочек, полочка с иконками в углу, белые занавески, деревянные часы «кукушечий домик». Рядом на стене четыре фотографии в рамках под стеклом: старики в молодости с плохо отретушированными лицами и

три современных снимка. На одном улыбающаяся пара – мужчина и женщина лет двадцати пяти с маленькими детьми. На втором – две девочки с цветами в руках и бантами в косичках на школьной линейке. На третьем фото они же, но уже лет пятнадцати.

Мария Семеновна предложила чаю, гости не отказались. Они присели за стол, и Петр вынул из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок. Расправив, он протянул бумагу Василию Федоровичу.

– Погодьте, за очками схожу.

Старик вышел из кухни, а хозяйка принялась выставлять на стол чашки и блюдца.

– Феликс Эдуардович просил, чтобы мы помогли вам хорошенько разобраться с завещанием, – сказал Павел. – Если непонятно что-то, спрашивайте, задавайте вопросы, мы все объясним.

– Хорошо, спросим, чего не спросить. А вы что же, вместе работаете? Тоже адвокаты?

Вода вскипела. Женщина насыпала заварки в фарфоровый чайничек, залила кипятком и накрыла крышкой.

– Нет, мы юристы, помощники адвокатов. А давно вы с Феликсом Эдуардовичем знакомы?

– Да почитай двенадцать годов уже.

– Ого! – заулыбались парни. – Да вы уже, наверное, как родные!

– Каждый день за него святых молим, золото, а не человек. Господь его нам послал, а то и не знаю, что бы делали, как жили.

Вернулся Василий Федорович с очками. Павел привстал, снова протягивая ему листок с текстом. Пока старик читал, гости продолжали разговор с Марией Семеновной. Слово за слово, и в неторопливой беседе выяснилось следующее.

Двенадцать лет назад погибли в автоаварии сын Миша с женой Леной. Дочки-погодки Вера и Катя тоже находились в машине, но они не пострадали. Родители насмерть, а на девочках ни царапины. Старики помешались бы от горя, не явись следом за бедой Феликс Эдуардович. Миша никогда о нем не рассказывал, но оказалось, у сына был такой товарищ-адвокат, и Миша просил его присмотреть за отцом-матерью и дочками, если с ним что-то случится. Как чувствовал. Вот Феликс Эдуардович и взялся последнюю волю покойного исполнять. Да не в тягость это ему, а видно, что от души. А иначе забрали бы внучек в детдом. У Лены никого из родни не осталось, чтобы хоть как-то помогли. Как старикам поднимать двух малышей с грошовыми пенсиями? А так Феликс все уладил, все устроил...

За чаем разговорился и старик, беседа плавно перетекла на их собственную семью – по словам Петра и Павла, это требовалось для правильного составления завещания. Есть ли у них еще где-то какие-то родственники, другое имущество? Родственников не оказалось, из имущества – только этот дом.

Вскоре гости стали прощаться. Перед уходом Петр подошел к стене и произнес, кивнув на фото пятнадцатилетних сестер:

– Просто южные красавицы. Откуда же такая редкость в российской глубинке?

– Это моя бабка в них проявилась, – заулыбалась Мария Семеновна. – Итальянкой она была, певицей. Самому царю пела. Дед мой, офицер, с ней и закрутил. Родила она мою мать, да только офицер тот женатый был, а ей в содержанки идти гордость не позволила. Она девочку ему оставила да на родину уехала, больше о ней не слыхали. Дед малыша не бросил, в своей семье воспитал как родную, супружница его, хоть и не рада была, но стерпела. Вот во внучках моих бабка о себе-то и напонила.

Гости с интересом выслушали, сказали, что девочкам повезло иметь такую любопытную родовую историю, распрощались и направились к выходу. Старики проводили их до калитки, и молодые люди пошли к шоссе.

Феликс наблюдал, как они показались из-за деревьев и встали на обочине дороги. Стояли парни молча, не переговариваясь друг с другом, и словно чего-то ждали. Потом он понял, чего именно – паузы в движении машин. Дорога ненадолго опустела, и молодые люди стали подпрыгивать, словно спортсмены

на разминке. Они прыгали все выше и выше, пока вдруг один за другим в воздухе не появились легкие белесые облачка и из дымки выпорхнула пара кречетов. Взмыв к верхушкам деревьев, птицы полетели назад, к городу.

Феликс немедленно перебрался за руль, завел мотор и поехал следом. Он не беспокоился, что может потерять из виду птиц, без труда отслеживая дальнюю траекторию их полета.

Въехав в город, Феликс повел авто с максимальными предосторожностями: малейшая авария, нарушение, встреча со стражами порядка, требование опустить стекло, выйти из машины могли стать фатальными.

Кречеты привели его к трехэтажному желто-белому особняку почти в центре. Металлическая табличка на двери гласила: «Представительство компании “Гнозис”». Одно окно третьего этажа было приоткрыто, в него и залетели птицы. Пришлось постараться, прежде чем нашлось место для парковки, откуда здание просматривалось целиком. Выключив зажигание, Феликс нашел новостную радиостанцию, откинул спинку кресла, вытянул ноги и стал наблюдать.

За весь день, до самого вечера, никто не вошел и не вышел из здания, ни в одном окне даже занавеска не шелохнулась. Дождавшись захода солнца, Феликс опустил тонированные стекла, вышел из салона и направился к особняку. Он осмотрел здание с боков, с торца, но только одно окно на третьем этаже по-прежнему оставалось открытым. Феликс помедлил, озираясь. Прохожих, лиц в окнах соседних офисных зданий не наблюдалось – рабочий день закончился, все разошлись по домам. Смерив взглядом расстояние и возможные препятствия, он легкой черной ящерицей взбежал по стене, едва касаясь поверхности носками ботинок и ладонями. Бесшумно перемахнув через подоконник, Феликс приоткрыл занавеску. В просторном помещении со светло-зелеными стенами не было ничего, за исключением старомодного письменного стола и пары стульев. Предметы стояли так, словно мебель передвигали, а на место поставить забыли. Пахло пылью и сырой бумагой – запах брошенных домов. В комнате находились те самые молодые люди в серой одежде. В расслабленных позах они сидели по краям стола, отрешенно глядя в пространство. На появление Феликса пара отреагировала более чем спокойно, поприветствовав его по имени-отчеству.

– Вы кто такие? – без лишних предисловий начал Феликс. Он понимал, что это не люди, но не мог с ходу определить, что за существа: обычно оборотни не

обращались в птиц. На первый взгляд они казались близнецами, но сидящий справа был постарше.

– Я Петр, он – Павел, – ответил тот, что старше.

– Очень смешно. А на самом деле?

– Пускай так остается, хорошо? Вас ведь тоже устраивает ваше имя. И навряд ли вы будете настаивать, чтобы мы обращались к вам – Эрнандо.

– Допустим. – Феликс встал в паре шагов напротив и скрестил руки на груди. – Что вам надо?

– Боюсь, в данный момент мы не можем поделиться с вами этой информацией, – голос Петра звучал ровно, вежливо, можно сказать, дружелюбно. – Но поверьте, совсем скоро вы все узнаете.

– Зачем вы полезли к моей семье?

– К вашей семье... – повторил Павел, и на его губах заиграла улыбка. – Как чудно звучит. Вы завели себе семью, пускай суррогатную, но все-таки семью. Довольно необычный поступок для вампира.

– Вам-то что за дело?

– Уверяем вас, это отнюдь не праздное любопытство. Скоро вы все узнаете.

– Нет, я узнаю прямо сейчас.

– Искренне жаль, но в данный момент это невозможно.

Голос Петра звучал все так же дружелюбно, но по интонации Феликс понял, что сейчас действительно ничего добиться не получится.

– Хоть у девочек примесь не испанской, а итальянской крови, малышки напоминают ваших сестер, верно? – произнес Павел. – Ракель и Леокадию. Вы

поэтому решили завести себе именно эту семью?

Феликс молчал, вперив тяжелый взгляд в их похожие лица. Затем проговорил:

– Если с ними что-нибудь случится... если вы хоть коснетесь этих людей, я доберусь и до вас, и до ваших главарей. У меня полно времени, мне нечем его занять, поэтому я займусь вами – вы станете моим хобби. Я найду того, чьи указания вы выполняете, и буду медленно выедать ему душу, пока он, она или оно самостоятельно, по доброй воле, не упадет на меч. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Понимаем, – кивнул Петр. – И не сомневаемся, что именно так вы и поступите. Но прошу вас поверить пока что на слово: мы не враги. Не враги ни вам, ни вашей семье и не причиним им никакого вреда. Можно узнать, как вы их на самом деле нашли? История с адвокатом годится для стариков, но нам хотелось бы знать правду.

Феликс молчал, продолжая смотреть на них каменным взглядом.

– Мы не призываем вас откровенничать, – сказал Павел, – просто, если можно, в общих чертах. Это важно.

Немного помедлив, Феликс произнес:

– Я стал случайным свидетелем автоаварии. Женщина погибла сразу, мужчина какое-то время еще был жив, просил о помощи, но помочь уже было нельзя. Я вытащил из машины детей, потом нашел в салоне документы, узнал место жительства, познакомился со стариками. Да, девочки на самом деле напомнили мне моих сестер.

– Это все?

– Все.

– Что ж, вполне достаточно. Извините нас, Феликс Эдуардович, но сейчас вам придется уйти. Обещаем, что дадим о себе знать в самое ближайшее время. И скорее всего, сможем вас приятно удивить.

Глава 7

Прошла почти неделя. Петр с Павлом не появлялись, но Феликс не сомневался, что за ним наблюдают. Он вел привычную жизнь, ездил на станцию за кровью вместе с Паблито, лишь перестал на время прогуливаться в скверике у ресторана «Империял». Феликсу было так тяжело видеть людей, чувствовать их запах, ощущать тепло их тел, что он выходил из дома только при сильной надобности.

Почти все время мужчина проводил в четырех стенах, стараясь не вслушиваться в голос ночи. Густой и темный, как маслянистая вода, голос этот всюду проникал, мягко, но настойчиво призывая окунуться, слиться с ночной душой, с ее особенным ритмом и тайными страстями, обещая изысканно-острые удовольствия, доступные лишь избранным. Но Феликс упорно сидел дома. Даже ворону разрешил залететь в квартиру, лишь бы тот не досаждал требованием совместных прогулок.

Шумно хлопая крыльями, Паблито влетел в гостиную, приземлился на ковер и покрутил клювом, озираясь.

– Только не трогай ничего, ни к чему не прикасайся, – предупредил Феликс.

– А по полу ходить можно? Туда-сюда? – вздумал обижаться ворон.

– Ходи.

Гостиную освещали лампы пары напольных кованых светильников по углам дверного проема, ведущего к остальным комнатам. В приглушенном свете тускло поблескивали рамы картин на стенах; скульптуры, вазы, статуэтки – каждая вещь, всякая мелочь казалась не простым украшением, а полноправным жителем этого пространства, несущем в себе свой смысл и историю. Мебель: бюро, шкафы-витрины, консоль, секретер, угловой диван с низкой спинкой, пара кресел – все предметы из темного дерева и украшены тонкой резьбой, искусной инкрустацией, ручной росписью и позолотой.

Вытянув и скрестив босые ноги, Феликс сидел в кресле у стола, накрытого длинной, до пола, скатертью. На мужчине был черный шелковый халат, распахнутый на груди. И Паблито только теперь заметил цепь с небольшим медальоном из потемневшего золота. Положив руки на подлокотники, Феликс сидел с опущенными плечами и склоненной головой, волосы падали ему на лоб, прикрывая лицо, и ворон не мог понять, куда он смотрит.

- А ты красиво живешь, уютно. - Паблито потоптался по ковру и уселся по центру его рисунка. - Тебя все это не бесит? В смысле - не раздражает каждый день на все эти завитушки смотреть?

- Нет, - глухо ответил Феликс. - Каждая из этих вещей мне что-то напоминает.

- Что-то хорошее?

- Не всегда.

- Зачем же таскать за собой вещи, которые напоминают что-то плохое? - озадачился ворон.

- Чтобы не забывать.

- Понятно.

На месте птице не сиделось. Паблито растопырил крылья и принялся шагать по кромке ковра, как канатоходец.

- Что это ты делаешь?

- Развлекаю сам себя, а то с тобой умереть можно от тоски, а я еще слишком молод.

- Летел бы домой, в гнездо или где ты там обитаешь.

- Прямо да, уже собрался и полетел. Тебе нужна компания.

- Не нужна мне компания, - все так же глухо, безжизненно отозвался Феликс. - Один раз понадобилась - до сих пор жалею.
- Ты про Дамиана?
- Паблито. Я. Тебя. Очень. Прошу.
- Все-все, молчу. Знаешь, что хочу сейчас сделать? - Переваливаясь с лапы на лапу, ворон подошел ближе к босым ногам.
- Не знаю.
- Слетаю за Доном Вито, пускай разбавит наше угрюмое общество свежими сплетнями. Свежие сплетни всегда ведь развлекают, да?
- Паблито, - голос Феликса прозвучал почти по-человечески устало, - оставь меня в покое. Если ты считаешь нас друзьями.
- Не считаю, а так оно и есть! - Ворон встряхнулся, ероша перья. - Потому и не надеюсь, что оставлю. У тебя там кровушка еще есть в холодильнике? Может, плеснешь себе стаканчик? Да и я за компанию глотну, хотя это не мое, конечно, у меня другие вкусовые пристрастия...
- Паблито! - прорычал Феликс. - Не испытывай мое терпенье!
- А то что будет? - Ворон склонил набок клюв, пытаясь поймать взгляд Феликса. - Что ты мне сделаешь?
- Голову сверну.
- Не свернешь, - хмыкнул Паблито. - Я тебе дорог. И ты ко мне привык.
- Откуда тебе знать, что мне дорого и как я избавляюсь от привычек.
- С привычками проще. А от того, что тебе дорого, как избавляешься?

– Оно само избавляется от меня.

В задумчивости ворон потоптался, переминаясь с лапы на лапу, затем вспорхнул к подлокотнику кресла и уселся на безвольную руку, вцепившись когтями в шелковую ткань халата.

– Почему тебе просто не принять одну простую вещь? – Паблито отодвинул клювом прядь черных волос и заглянул в неподвижные глаза. – Могут случаться какие-то существа, быть может, даже люди, которым ты дорог, и им не хочется избавляться от тебя.

– Знаешь, сколько людей я убил за четыреста восемьдесят лет?

– Уверен, даже ты этого не знаешь, если нарочно списки не вел! И почему-то мне кажется – все они этого заслужили. Поправь, если ошибаюсь. Но кто виноват, если сам себя ты записал в изгои и решил никому не давать шанса сблизиться с тобой?

– Похоже, Дон Вито познакомил тебя с Дааной. Часто к ней залетаешь?

– Знал бы, как хочется в лоб тебе клювом врезать!

– Давай. Врезай. – Феликс поднял голову, отбрасывая волосы с лица. – Вот сюда, повыше переносицы. И посильнее.

Паблито не заставил себя упрашивать и со всей силы ударил клювом промеж глаз. Это было равносильно удару о стену. Ворону показалось, что он даже сознание на миг потерял. Очнувшись, пернатый потряс головой, спрыгнул на пол и заковылял к окну, бормоча, что если он ему вдруг понадобится, то Феликс знает, где его найти. Вспорхнув на подоконник, ворон проворчал напоследок:

– Прибрался бы хоть в своем музее, а то бумажки разбросаны!

– Ничего тут не разбросано, – безучастно ответил Феликс.

– Давно не убирался, значит! Все, я пошел!

– Какие бумажки? – очнулся мужчина. – О чем ты?

– Да вот же, валяются под занавесками! Слушай, если ты хочешь как-то загладить свою вину перед оскорбленным товарищем...

Дальше Феликс не слушал. Он сорвался с места, подбежал к окну и отдернул штору. На полу лежала театральная программка и пригласительный билет. Название спектакля гласило: «“Дон Эрнандо Хавьер де ла Роса Ларио”. Опера. Трагикомедия в двух актах. Партер, первый ряд, середина». Держа в руках программу с билетом, Феликс отошел от окна и тяжело опустился в кресло. Паблито прыгнул обратно на пол и заторопился к нему.

– Что там такое? Какое-то письмо, записка?

Феликс не ответил. Он смотрел на мелованные бумажные прямоугольники, словно белизна источала завораживающий свет, и не в силах был отвести взгляд.

Вдруг комната стала расплываться, закрутились волчком размазанные стены, и Феликс почувствовал, что куда-то проваливается и падает. На миг захлестнуло душное беспмятство, и он очнулся в раззолоченной театральной зале. Как был – босиком и в халате, – мужчина сидел в первом ряду партера. Занавес сцены еще был опущен, а зал полон зрителей. Поглядев на сидящих по соседству, Феликс обернулся. Ряды за его спиной словно умножились в бесконечность, и ни одного свободного места: мужчины и женщины в одеждах разных эпох с серыми лицами, потухшими глазами. Они были измучены, грязны, одежда их висела полуистлевшими лохмотьями. Феликс встал, запахивая халат и туже затягивая пояс. И лицо его вдруг словно сделалось источником света для мертвецов. Как подсолнухи, они стали поворачиваться к нему и оживать радостью, почти любовью. Их было тысячи, тысячи... расцветающих красками, улыбками лиц. И Феликс вдруг ощутил почти забытое чувство – фантомное биение сердца в груди.

В зале погас свет, поднялся занавес, и началось представление. Феликс опустился на свое место и вцепился пальцами в подлокотники кресла.

Декорации изображали стены домов и улицы ночного Толедо. Из темного переулочка вышел молодой черноволосый господин, всем своим видом

демонстрирующий, как он пьян и самовлюблен. Он запел о жизни как о глупой жене, с которой невыносимо жить, и о том, что только смерть – достойный противник, чтобы поиграть на шпагах. Вскоре навстречу ему шагнул хорошо одетый, сложенный как древнеримское божество мужчина с развевающимися прядями длинных белых волос. Лицо его было прекрасно и умиротворенно. В руках он держал две шпаги. Бросив один клинок повесе, незнакомец встал в позу фехтования. Хмельной гуляка мигом преобразился: выпрямились плечи, появилась горделивая стать. Поймав шпагу, он ухватился за эфес и принял вызов. Фехтовал он столь умело, что мигом пронзил насквозь грудь противника. Но шпага, войдя в его тело, не нанесла сопернику урона, тот лишь рассмеялся. Затем вынул из груди клинок и наотмашь хлестнул им по шее гуляки.

На стенах дома стали возникать силуэты: пожилой статный мужчина, женщина с безупречной осанкой, пара юных хрупких девушек... Непобедимый фехтовальщик ожесточенно взялся рубить клинком и эти тени. После отбросил шпагу и распахнул объятия. Он был прекрасен, светел, он ангелом воспарил над мостовой, и самовлюбленный гуляка сделал шаг ему навстречу...

– Хватит! – выкрикнул Феликс. – Довольно!

Но действие продолжалось. И он не мог пошевелиться, подняться, чтобы выйти из переполненного мертвецами зала. Феликс вынужден был смотреть, как гуляка превращается в превосходного господина, питающего свою роскошь чужими смертями и душами. И как постепенно сходит с ума от торжества пропитанной кровью власти...

Очнулся Феликс от собственного крика и хлопанья птичьих крыльев. Мужчина по-прежнему сидел в кресле своей гостиной, а Паблито то взлетал, то падал ему на колени, оглушительно каркая. Феликс отмахнулся от птицы, закрыл ладонью лицо, потер глаза и тряхнул головой, отбрасывая волосы со лба.

– Что с тобой, что с тобой? – как испуганная курица, квохтал ворон. – Ты жутко кричал!

– Задремал, похоже, приснилось что-то негодное.

– Тебе не снятся сны! Не снятся!

Феликс почувствовал, что все еще что-то сжимает в руке. Это оказался пригласительный билет на спектакль. Мужчина разжал пальцы, и билет рассыпался, разлетелся остывшим серым пеплом. И затем он ощутил чье-то постороннее присутствие в доме. Отряхнув с ладони остатки пепла, Феликс процедил:

– Уходи, Паблито!

– Да, сейчас прямо вот взял и пошел! Оставил тут тебя...

Феликс схватил ворона, подошел к окну, распахнул его и вышвырнул птицу на улицу. Опустив жалюзи, он, бесшумно ступая, вышел из гостиной. Со стороны кухни донеслось негромкое пение и шум воды из крана. Остановившись на пороге, Феликс смерил взглядом стройную женскую фигурку у раковины. В коротком ситцевом платье и цветастом переднике Даана мыла посуду.

– Нельзя оставлять грязные тарелки на ночь, – произнесла девушка, не глядя на возникший силуэт в дверном проеме, – могут муравьи завестись. Их потом ничем не вытравишь.

Феликс прошел к столу, присел на деревянный стул с высокой резной спинкой, чем-то напоминающий сиденья в католических соборах, и поинтересовался, что это за представление она тут устраивает.

Даана не ответила, продолжая мыть посуду. Белые тарелки с золотыми каемками все возникали и возникали под ее пальцами, словно из ниоткуда, и, тщательно отмытые, бесследно исчезали.

Феликс молча ждал ответа, наблюдая, как ловко движутся ее руки, не зная, что его больше раздражает – самовольное явление Дааны или эти пошлые белые тарелки с блестящими ободками. Когда тишина затянулась, он задал другой вопрос:

– Как зовут на самом деле Петра и Павла?

– Это важно? – Поглощенная занятием, Даана не обернулась.

- Просто интересно.

- Левит и Дориан. Они оборотни.

- Надо же! - хлопнув в ладони, Феликс рассмеялся. - Никогда бы не подумал! Серьезно? Оборотни, да?

Даана наконец выключила воду и развернулась в его сторону. На нее в упор смотрели черно-красные злые глаза.

- Феликс, - от этого взгляда Даана даже попятилась, - прошу, успокойся...

- А я взволнован? - Мужчина резко встал, отчего стул отлетел, ударяясь о стену, и медленно пошел к Даане. - Считаешь, есть из-за чего переживать?

Он наступал, девушка пятилась, отходя в темноту коридора. Даана не сводила с него глаз, но все равно не смогла увидеть, как Феликс оказался рядом. Он коснулся ее лица, провел ледяными пальцами по загорелой щеке и прошептал, заглядывая на самое дно ее светлых глаз:

- Не нравится мне то, что происходит, дорогая моя, очень не нравится. Знать бы, кто все это затеял. И зачем.

- Выслушай, Феликс, - таким же едва слышным шепотом ответила девушка. - Найден путь. Тебе можно помочь. Но они должны были убедиться, что ты не причинишь зла, что ты остался человеком...

- Кто - они?

- Не могу этого сказать.

- Кто - они? - повторил Феликс таким голосом, что Даана зажмурилась.

- Можешь убить меня. Но тогда ничего не изменится. И ты никогда не увидишь солнце.

Глава 8

Феликс молча смотрел на нее, как на человека, почти с такой же голодной жадной и брезгливостью одновременно.

– Твой шанс увидеть солнце я принесла с собой, – торопливо сказала Даана, воспользовавшись паузой. – Позволь показать.

– А может, я тебе не верю. Что, если меня не развлекают игры вашей компании? Как она там называется? «Гнозис»? Так вот – не развлекают!

– Хочешь – возьми сам. В кармане фартука.

Пальцы Феликса скользнули в нагрудный карман передника и извлекли маленький продолговатый флакон с полупрозрачной синей жидкостью. Поблескивая, жидкость заметно светилась.

– Это твой выход к солнцу, – прошептала Даана. – Не хочешь – не бери. И пускай все останется как прежде.

Покрутив флакон, Феликс сунул его обратно в передник и оттолкнул девушку в коридорный сумрак со словами:

– Прощай, Даана. И никогда, слышишь, никогда не приходи в мой дом без спроса.

Даана исчезла, в квартирном пространстве воцарилась тишина. Послушав молчание стен и комнат, Феликс пошел в гардеробную, сбросил халат и с какой-то особой тщательностью принялся одеваться.

Проверив на ощупь, все ли пуговицы застегнуты, он пошел в ванную. Над раковиной вместо зеркала висела небольшая старинная картина: портрет молодого черноволосого мужчины в шитом золотом камзоле. Пронзительно-синими глазами он смотрел на художника в упор.

На полке ниже лежала расческа, в хрустальном стакане – зубная щетка с тюбиком пасты, мыло да квадратный флакон туалетной воды из непрозрачного черного стекла с выдавленной прямо на стекле надписью «Feliz».

Глядя на портрет, Феликс смочил водой расческу и принялся тщательно зачесывать в хвост жесткие вьющиеся волосы, выпрямляя, разглаживая их. Скрепив хвост золотым зажимом, он выключил воду и пошел в гостиную. Остановившись посреди комнаты, Феликс огляделся, посмотрел по сторонам, словно все, что его окружало, увидел впервые. Глубокую тишину нарушало лишь тиканье часов да еще один неприятный звук – скребущий скрежет со стороны окна. Паблито, видимо, решил вскрыть жалюзи и во что бы то ни стало попасть в дом. Мужчина подошел к подоконнику и поднял железную штору так, что она едва не обрушилась. Птица испуганно свалилась с карниза, замахала крыльями и вернулась обратно.

– Что, Паблито? – очень тихо произнес Феликс.

Ворон оглядел его с ног до головы.

– О, господин при полном параде. Собрался в гости без меня?

– Паблито, чего ты от меня хочешь?

– Рядом быть! – Птица нахально влетела в комнату и уселась на спинку кресла. – Быть твоим компаньоном! Я же не какое-то там домашнее животное вроде собаки – лет десять от силы, не успел привязаться, как псина уже состарилась да издохла! У меня полно времени в запасе! Возьми меня, возьми!

– Почему ты решил, что мне нужен компаньон?

– Нужен! Хватит изображать из себя одинокое чудовище. Ты не так чудовищен, как возомнил о себе! Возьми меня с собой!

– Куда взять, о чем ты?

Ворон перепрыгнул с кресла на стол и принялся царапать когтями великолепно расшитую скатерть, словно пытался раскопать землю ради червяка.

- Прекрати! - поморщился Феликс.

- Это только начало! Сейчас разнесу вдребезги весь твой музей! Он тебе все равно больше не нужен!

- Что ты несешь?! - голос Феликса начал раскаляться.

- Ты ведь уезжать собрался! - ехидно ответил ворон. - Опять, как всегда, хочешь бежать трусливо! К чему лишний багаж? Сбегай налегке!

- Как... как ты догадался, что я собираюсь уезжать?

- А ты до сих пор считаешь, что ни у кого в этом мире нет мозгов, кроме тебя? Какая самонадеянность!

- Давно пора менять место жительства, - сдержанно ответил Феликс. - Так долго я прежде нигде не оставался. Какая разница, сейчас уезжать или завтра.

- Большая! Это бегство, а не смена места жительства! И ты сам это прекрасно знаешь!

Стоя у окна, Феликс смотрел на разозленную птицу, терзающую скатерть, и почему-то думал о том, что долгое время уже не спал. А выспаться необходимо.

А ворон продолжал:

- Ты называл меня «Паблито», что означает - «маленький человек», так пусть я буду рядом с тобой маленьким человеком! Со мной же лучше, чем без меня!

- Послушай...

- Нет, это ты меня слушай! Ты и при жизни не умел заводить друзей, а после жизни боишься даже попытаться! Но я же просто птица, со мной все проще! Считай, что я привязался, прикипел к тебе. С тобой нескучно, и мне все в тебе приятно!

От слова «приятно» Феликс невольно усмехнулся, а ворон раскричался сильнее:

– Да! И не только мне! Им тоже ты приятен!

Ворон кивнул на порог комнаты. Там топтался Дон Вито вместе с какой-то незнакомой крысой. На шее Дона Вито поблескивал искрами продолговатый флакон с синей жидкостью, вторая крыса несла на шнурке свернутый в тугую трубочку листок бумаги.

– Извиняемся, что без приглашения, – смущенно пропищал Дон Вито, то и дело норовя упасть под тяжестью флакона. – Но попросили срочно доставить вместе с записочкой! Давай скорей, беги!

Получив команду, незнакомая крыса заторопилась к ногам Феликса, задирая голову повыше, чтобы не спотыкаться о бумажную трубку.

Феликс снял веревку с письмом. Крыса отбежала на пару шагов, упала на ковер и принялась часто дышать, дергая серыми боками.

Развернув листок, он прочитал:

«Препарат “Фелис-1” разработан компанией “Гнозис”. Является деактиватором измененного состава крови вампира. Применение: внутривенно.

Результат: в течение суток наблюдается регенерация кровяных телец, адаптация клеток эпидермиса к воздействию солнечного света. В течение сорока восьми часов происходит полное восстановление с отказом от приема крови, с возможностью замены на суррогаты: мед, морская вода, сок кокосового ореха. При этом существо образца «вампир» сохраняет полноценную жизнедеятельность и часть своих способностей без ущерба дневному существованию по типу “человек”.

Побочные эффекты не выявлены.

Вам предоставлен концентрированный тестовый образец сроком действия в 1.00 (один) час с момента приема перорально.

По вопросам обсуждения контракта приобретения препарата долгосрочного действия “Фелис-1” обращайтесь в компанию “Гнозис”».

Глава 9

– Выпей уже наконец! – раскаркался Паблито, выяснив, в чем дело. Феликс так и стоял посередине комнаты с письмом и флаконом в руках. – Хуже-то все равно не будет!

– Мы можем выйти, чтобы не смущать... – начал Дон Вито, но ворон перебил:

– Не-е-ет! Никуда мы не пойдем! Будем сидеть тут и наслаждаться аттракционом невиданной трусости! И только не спрашивай, Феликс, что я знаю о трусости! Кое-что знаю, ага!

Мужчина посмотрел на Паблито, на обеих крыс с каким-то недоумением во взгляде и внезапно расхохотался.

Ворон потоптался по столу, развернулся к Дону Вито и произнес:

– Похоже, ему просто нравится, когда все с ним носятся. Он просто так кривляется, а на самом деле все у него отлично и все его устраивает. Идите отсюда.

Паблито спрыгнул на пол и направился к дверному проему. Усмиряя смех, Феликс произнес:

– Пешком решил уйти? Пролезешь в крысиные ходы? Да выпью я это зелье, не переживай. Самому интересно.

– Нам выйти? – переспросил Дон Вито.

В ответ мужчина лишь махнул рукой, после вынул из горлышка флакона плотно пригнанную стеклянную крышку. Жидкость источала тончайший, какой-то очень

знакомый запах, но Феликс с ходу не припомнил, что может так пахнуть.

– Ваше здоровье! – произнес Феликс, одним глотком осушая флакон.

Показалось, что проглотил он нечто твердое, очень холодное и очень горячее одновременно. От этих почти совсем забытых чувств Феликс замер, прислушиваясь к вкусовым ощущениям. Ворон с крысами таращились на него во все глаза и от волнения не дышали. Вскоре Феликс ощутил легкое головокружение, а в солнечном сплетении стал нарастать обжигающий жар. Дыханье сбилось на короткие, частые вдохи-выдохи, по телу разлилась слабость. Непослушными пальцами мужчина расстегнул пиджак с рубашкой, дошел до кресла и упал в него. Шею захлестнула невидимая удавка, Феликс запрокинул голову и стал задыхаться.

Посмотрев на происходящее, ворон с Доном Вито переглянулись.

– Что вы ему за отраву подкинули?

– Не знаю, – взволнованно заморгал глазками-бусинами крыс. – Даана велела. Сказала, это ему поможет.

– А они «это» на каком-нибудь другом вампире испытывали?

– Откуда же мне знать. Мое дело маленькое...

– Очень маленькое, да! – сердито раскаркался ворон. – Просто прийти и отравить моего вампира! И где я теперь, по-твоему, найду другого?! Они на каждом шагу-то не валяются! А я уже привык, буду страдать!

– Смотрите! – вдруг пискнул второй крыс. – С ним что-то происходит!

Кожа Феликса сделалась похожей на белый мрамор с голубыми прожилками, закатившиеся белки глаз посинели, из горла вырвалось тяжелое надсадное дыхание, больше смахивающее на звериный рык.

– Давайте подойдем ближе, – предложил безымянный крыс.

– Мне и отсюда хорошо видно, – ответил Дон Вито, отступая на пару шажков за порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/polynskaya_galina/eliksir-dlya-vampira

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)